

А.В. Степанов

**Елизавета Петровна, ее происхождение,
интимная жизнь и правление. 1903**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.В. Степанов**
Елизавета Петровна, ее происхождение, интимная жизнь и правление. 1903 / А.В. Степанов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 91 с.

ISBN 978-5-458-00621-7

ISBN 978-5-458-00621-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

денца“ Ивана Антоновича — смѣнила въ 1740 г. Елизавета, дочь Петра Великаго.

Въ противоположность своей старшей рано умершей сестрѣ Аннѣ, Елизавета отличалась уже въ ранней молодости крайне развратнымъ направленіемъ. Она была одной изъ самыхъ низкопробныхъ и безпутныхъ русскихъ царственныхъ мессалинь. Она была во сто-кратъ распутнѣе Екатерины I, распутнѣе Анны Іоанновны и превосходила въ безстыдствѣ и половой извращенности даже свою цербстскую преемницу Екатерину Великую. Но мы не станемъ преждевременно забѣгать впередъ и раскроемъ постепенно позорныя страницы біографіи Елизаветы Петровны и постараемся представить ее въ настоящей, ей присущей окраскѣ. Да простятъ намъ читатели, которые въ нашемъ повѣствованіи вмѣсто тѣхъ хвалебныхъ гимновъ, какими привѣтствовали ее наши доморожденные дворцовые барды, найдутъ одну лишь голую истину, ту ужасную въ тайнѣ хранимую придворными историографами истину, при видѣ которой читателямъ станетъ и душно, и тяжело . . .

I.

Безконечныя оргіи, смѣнявшія одна другую, приковали наконецъ Петра Великаго къ постели. Схватившая имъ во время одной изъ его безчисленныхъ пооекъ венерическая болѣзнь обнаружилась съизнова и въ такой сильной степени, что дни „великаго“ преобразователя Россіи были сочтены. Но послѣдняго только и желали супруга его, Екатерина, и ея любовникъ Меншиковъ. И въ сущности для нихъ возможно скорая развязка не могла не играть важной роли, такъ какъ условія уже давно сложились такимъ образомъ, что

одной изъ этихъ двухъ партій необходимо нужно было долой съ арены, и лозунгъ „или мы, или онъ“ и внушилъ Меньшикову прибѣгнуть къ помощи яда, чтобы ускорить развязку.

Князь Меньшиковъ, давно уже имѣвшій на своей совѣсти цѣлый рядъ самыхъ гнусныхъ проступковъ, извѣстныхъ между прочимъ и царю, давно уже причинилъ заботы Петру, и Петръ не безъ основанія боялся, что рано или поздно ему придется еще поплатиться за Меньшикова своей царственной головой. Въ былое время, если до ушей царя доходили жалобы на князя, онъ разсчитывался съ нимъ лично, бралъ плетку въ руки и дралъ своего свѣтлѣйшаго канцлера; теперь же угрожало Меньшикову, надъ головой котораго собрались ужъ слишкомъ черныя тучи, куда серьезное наказаніе и поэтому сколь возможно скорая смерть Петра была для него вопросомъ первой важности. Нужно было „спроводить“ его, такъ какъ кромѣ другихъ цѣлей, Меньшиковъ нѣтъ-нѣтъ да подумывалъ и о сохраненіи царской короны если не для себя, такъ по крайней мѣрѣ для дѣтей, а поправься Петръ, всѣ его замыслы и планы рухнули бы навсегда, и онъ навѣчно попалъ бы въ немилость. Но нисколько не лучше, если только еще не хуже, обстояло и съ августѣйшей супругой Петра. Эту, постоянно пьяную и почти полоумную женщину „повелѣлъ“ Петръ годъ тому назадъ самымъ торжественнымъ образомъ короновать, и русскій народъ уже свыкъся съ мыслью, что она по смерти царя взойдетъ на все-россійскій престолъ. Вѣдь ея ради измѣнилъ великій реформаторъ порядокъ престолонаслѣдія, по которому дотолѣ считался наслѣдникомъ старшій сынъ, и измѣнилъ его такимъ образомъ, что отнынѣ самодержецъ самъ назначаетъ себѣ достойнаго наслѣдника, будь это лицо мужскаго или женскаго пола, безразлично.

А само собою, кого же было и выбрать великому монарху, о которомъ историкъ Зугенгеймъ говоритъ:

жившему и умершему свиньей, на прародительскій престолъ, какъ не „благородную“ царицу, съумѣвшую возвыситься отъ простой солдатской дѣвки до августѣйшей супруги могущественнѣйшаго европейскаго правителя?!

Итакъ, Ея Величеству улыбалась заманчивая будущность и, казалось, препятствій для достиженія поставленной задачи не было, но чуть-чуть, было, всѣ эти иллюзіи не погибли. За годъ до своей смерти, сдѣлалъ Петръ не особенно-то для него, какъ мужа, пріятное открытіе, а именно, что Екатерина возвратилась къ своему прежнему безпутству и что находившійся при ея особѣ камергеръ Монъ-де-ла-Кроа исполнялъ не только служебныя, но и кромѣ того кое-какія „другія“ обязанности.

Этотъ счастливецъ былъ сынъ французскаго шинкаря, случайно забредшаго въ Москву и, попавъ въ милость царицы-матушки, онъ въ скоромъ времени былъ зачисленъ въ штатъ ея камеръ-юнкеровъ, а затѣмъ и камергеровъ. Долго-ли, коротко-ли продолжался этотъ романъ неизвѣстно, но только въ концѣ 1721 г. Петру удалось застать влюбленную парочку въ слишкомъ интимныхъ отношеніяхъ и послѣ личнаго разсчета съ обоими плеткой, онъ велѣлъ арестовать Мона и чрезъ недѣлю на глазахъ Екатерины казнить, причемъ послѣдняя упала въ обморокъ. Отсѣченную голову посадили въ спиртъ, и Петръ приказалъ эту банку поставить въ спальню государыни, какъ украшеніе на память о любовникѣ, подъ страхомъ смерти воспретивъ удаленіе ея. — Сестру-же Мона, прежнюю любовницу царя, знавшую о преступной связи Екатерины, было повелѣно сослать пожизненно въ Сибирь, а съ нею еще и множество прочихъ виновныхъ.

Екатерина дрожала отъ страха и съ боязнью глядѣла въ близкую будущность. Но тутъ на ея счастье Петръ захворалъ и 8-го Февраля 1725 г. „прилегъ и въ Бозѣ

опочилъ“. Супруга-же его какъ истая христіанка позаботилась о томъ, чтобъ государь два раза причастился и простилъ и ей и Меньшикову всѣ ихъ гнусныя проступки. Итакъ, Петръ умеръ, не успѣвъ даже назначить на мѣсто своей убійцы Екатерины другаго, болѣе „достойнаго“ наслѣдника.

II.

Евдокія Лопухина, первая жена Петра, отказавшаяся отъ него за его безпутный образъ жизни и получившая за это отъ него собственноручно извѣстную долю плетью, жила въ монастырѣ. Сынъ ея, Алексѣй Петровичъ, въ сущности законный наслѣдникъ, по настоянію второй жены Петра, Екатерины, въ 1718 г. былъ лишенъ всякихъ правъ на престолонаслѣдіе и обезглавленъ. Меньшиковъ уже позаботился о томъ, чтобы молодой царевичъ попалъ въ надежныя руки, чтобы вся воспитательная система вела къ тому, чтобы изъ Алексѣя вышелъ необразованный, юродивый малый, поставившій своей задачей постриженіе въ монахи и, разумѣется, вмѣстѣ съ этимъ и отреченіе отъ престола. Его „по его собственному желанію“ готовили въ монастырѣ, но унаслѣдованная отъ отца испорченность сбита богомольца съ толку и онъ „помянувъ родителей“ завелъ интрижку съ одной чухонкой, продолжавшуюся даже во время его брака съ брауншвейгской принцессой. И въ томъ оказалъ сынъ отцу своему честь, что воплѣ по петровски билъ онъ свою жену, и даже сметръ этой несчастной, какъ достовѣрно доказано, послѣдовала отъ этихъ побоевъ. Этотъ бракъ осчастливилъ Россію царемъ Петромъ II.

Но до 1715 г. Алексѣй Петровичъ жилъ сравнительно безбоязненно, тутъ вдругъ Екатерина родила сына (дотолъ все дочерей) и, понятно, всѣ пружины

были пущены въ ходъ, чтобъ обезпечить корону въ рукахъ сына ея. Покорный слуга Меньшиковъ взялся за это „святое“ дѣло, и несчастному Алексѣю Петровичу пришлось поклониться родинѣ-матушкѣ и бѣжать прочь. Онъ скрывался нѣкоторое время въ Неаполѣ, но вскорѣ былъ розысканъ и австрійскими агентами переправленъ въ Россію.

Побѣгъ Алексѣя объявили за государственную измѣну. Петръ, отецъ его, собственноручно нанесъ ему смертельный ударъ и неистовствовалъ надъ трупомъ сына до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ комокъ мяса. Генералъ Вейде, одинъ изъ „просвѣтительныхъ“ сотрудниковъ Петра, отсѣкъ топоромъ голову, но такъ какъ убитый царевичъ пользовался довольно большой популярностью и любовью среди бояръ и духовенства, и Петръ и Екатерина должны были ожидать мести съ этой стороны за совершенное преступленіе, то и было рѣшено скрыть истину и объявить вѣрноподаннымъ, что молъ царевичъ умеръ отъ удара при прочтеніи приговора къ смертной казни. Одна изъ камеръ-фрейлинъ Ея Величества, одновременно и содержанка ея августѣйшаго супруга, по имени Анна Крамеръ, должна была снова пришить голову къ трупу, покойника обмыли, нарядили по царски, шею прикрыли широкимъ шарфомъ и уложили въ гробъ. Само собою, гробъ былъ выставленъ въ Петропавловскомъ Соборѣ для прощанія, и ежедневно совершалось извѣстное число панихидъ. Нужно же было пустить пыль въ глаза и, правда, обманъ удался, какъ нельзя лучше.

Итакъ, царица-матушка отдѣлалась отъ опаснаго соперника, путь для дѣтей ея къ трону былъ свободенъ и она уже въ душѣ ликовала, что ея сыночекъ нѣкогда будетъ „царствовать на страхъ врагамъ“. Но боги сулили ей иное. Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Петровича, какъ будто бы въ отместку, молніей былъ убитъ ея сыночекъ Петръ, ея надежда и радость.

Изъ мужскихъ членовъ дома Романовыхъ оставался такимъ образомъ всего лишь одинъ 9 лѣтній князь Петръ, сынъ семь лѣтъ тому назадъ замученнаго и казненнаго Алексѣя Петровича. Но объ этомъ дальше.

Итакъ, Петръ Великій закрылъ свои „орлиныя очи“ и дѣломъ первой необходимости для его вѣрной супруги и вѣрнаго слуги Меньшикова было скрыть отъ публики смерть царя и не обнаруживать этого до тѣхъ поръ, пока всѣ ихъ преступные замыслы не будутъ, какъ говорится, на мази. Нужно было спѣшить, нужны были люди, со стороны дворянъ угрожала опасность, и Меньшиковъ пустилъ всѣ пружины въ ходъ, чтобъ упрочить за собой царскую корону. Извѣстно вѣдь, что старые дворянскіе роды, какъ Рѣпинъ, Голицынъ, Долгорукій, Головкинъ и др., были самые ярые враги петровскаго режима и всѣ надежды свои они только и возлагали на будущаго правителя, тогда еще мальчика Петра Алексѣевича. Этотъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ возстановить поправныя Петромъ Великимъ дворянскія права и преимущества и подъ правленіемъ его дворяне должны были опять занять мѣста допетровскаго времени и оказывать свое вліяніе на ходъ государственной жизни. Молодой царь долженъ былъ, по ихъ предположенію, объявить войну династическому абсолютизму и всей новой эрѣ, къ коимъ топоръ и висѣлица прочищали дорогу. Виды дворянъ на скорый успѣхъ были довольно основательныя, и все шло, какъ слѣдуетъ, но вскорѣ замѣтила Екатерина успѣхъ своихъ враговъ и, разумѣется, нанесла имъ ударъ на смерть. Генералитету и офицерамъ были обѣщаны всевозможныя привилегіи; кто на эту удочку не шелъ, того пытались подкупить деньгами, и въ скоромъ времени — все это произошло втеченіе 7 дней — на ея сторонѣ оказалась сила; къ тому же нашелся и святой отецъ Теофанъ Новгородскій, тотъ самый, который также вотировалъ въ пользу казни Алексѣя Петровича, за что и стяжалъ себѣ ненависть со стороны дворянъ и вообще

людей допетровскихъ воззрѣній. Этотъ архіепископъ, само собою, по внушенію Ея Величества, не отказался даже въ отданіи присяги въ томъ, что-де умирающій Петръ въ его присутствіи объявилъ Екатерину своей достойной преемницей, и послѣ этой официальной присяги, въ сущности ложной, такъ какъ ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, отданной святителемъ предъ войскою и народомъ, Екатерина I была провозглашена Императрицей и Самодержицей всея Россіи. Такимъ образомъ петербургская гвардія впервые вѣшлась въ судьбы политической жизни, такъ какъ дотолѣ эта роль всецѣло игралась лишь „буйными“ стрѣльцами противъ Петра.

III.

Екатерина, родомъ крестьянка, „сзумѣла“ подъ вліяніемъ на то призванныхъ людей подняться даже на такой высокой уровень, что могла съ величіемъ и достоинствомъ носить державную корону святой Руси. Отецъ ея, Самуилъ, литовскій крѣпостникъ, жилъ со своей многочисленной семьей въ крайне стѣсненныхъ условіяхъ, въ имѣніи польскаго магната Запейя, гдѣ-то на ливонско-польской границѣ. Даже фамиліи не имѣлъ этотъ бѣдный крестьянинъ, а звался просто Самуиломъ, какъ у насъ и по сю пору еще сохранилось въ помѣщичьемъ быту называть своихъ людей Ванькой, Петькой и т. д.

Одна изъ дочерей этого бѣдняка, по имени Марта, еще ребенкомъ была взята въ домъ лютеранскаго пастора Даута, который и позаботился вскорѣ о томъ, чтобы молодая католичка ознакомилась съ ученіемъ лютеранской церкви, а пасторъ Глюкъ въ Мариенбургѣ (въ Ливоніи), къ которому уже подросткомъ Марта поступила въ услуженіе, довершилъ ея обращеніе, и она перешла къ лютеранскому исповѣданію.

Въ Маріенбургѣ сдѣлала наша героиня заручиться симпатіями въ шведскомъ гарнизонѣ, и красота ея и молодость — ей было о ту пору 16 лѣтъ — снискали ей множество поклонниковъ, и одинъ изъ послѣднихъ, драгунъ Іоганъ предложилъ ей даже свое сердце и руку. Ихъ повѣнчали, и всю жизнь пришлось бы нашей Мартѣ маяться и жить въ нуждѣ, но Провидѣніе сжалилось надъ бѣдной солдаткой. Между Россіей и Швеціей разгорѣлась война, и бѣдному супругу нужно было спѣшить на поле брани.

Русскія войска вторглись въ ту пору въ шведскую Лифляндію, заняли между прочимъ и городъ Маріенбургъ и взяли въ плѣнъ горожанъ, въ числѣ коихъ находилась и Марта, а по военнымъ законамъ того времени, жены и дѣвушки принадлежали въ такихъ случаяхъ побѣдителямъ. Несчастный Іоганъ бѣжалъ съ полкомъ, оставивъ свою нѣжнолюбимую супругу на произволъ судьбы. Красота жены нашего драгуна скоро была замѣчена, и ужъ многіе потирали руки, радуясь своему успѣху, своей важной добычѣ. Но не одни только простые смертные точили свой зубокъ на Марту. Командующій генералъ, Шереметьевъ, тоже сталъ на нее засматриваться и въ скоромъ времени сдѣлалъ ее своей любовницей. Но когда красивая солдатка попала на глаза всемогущему фавориту Петра, князю Меньшикову, послушный подчиненный охотно уступилъ ее послѣднему, за что и былъ вознагражденъ Меньшиковымъ. Ревнивый Меньшиковъ держалъ свою „добычу“ въ заперти, сдѣлавъ ее своей крѣпостной служанкой и позволяя ей сходиться только лишь съ ея товарками или съ людьми изъ ея сословія и званія, но въ особенности оберегалъ онъ ее отъ самого Петра и его сотоварищей по пьянству и дебошамъ. Мартѣ удалось такимъ образомъ свидаться и со своимъ мужемъ Іоганомъ, который за это время уже успѣлъ возвыситься до чина унтеръ-офицера.

Итакъ нашей красавицѣ приходилось служить двумъ богамъ: и Югану, и Меньшикову, но вскорѣ къ этимъ двумъ прибавился и третій богъ.

На одной изъ царскихъ попоекъ, Меньшиковъ въ пьяномъ видѣ давай хвастаться своей прелестной рабыней; завистливый и распутный Петръ потребовалъ отъ хвастуна, чтобы Марта тотчасъ-же была ему представлена, и проболтавшемуся князю, разумѣется, ничего другаго не оставалось, какъ слушаться высочайшаго повелѣнія. Марту подвели къ Петру, и она своей красотой или вѣрнѣе: своимъ жиромъ и мясомъ произвела на него такое выгодное впечатлѣніе, что царь тутъ-же на мѣстѣ „соизволилъ повелѣть“ Меньшикову уступить ему этотъ „литовскій жемчугъ“.

Ее нарядили и зачислили въ штатъ слугъ государя, т. е. въ число женщинъ, которыя имѣли сопровождать его во время его дальнихъ поѣздокъ или походовъ.

Первое время послѣ этой исторіи Меньшиковъ чувствовалъ себя обиженнымъ и дулся на себя за неосторожность, вызвавшую такіа грустныя послѣствія, но вскорѣ сжился онъ съ этимъ и даже выдумалъ, хитрецъ, повернуть это дѣло такимъ образомъ, чтобы и польза отъ него осталась. Нужно было повліять на Марту и ужъ чрезъ нее оказать вліяніе и на самого царя. И правда, Литовская дѣвка и сынъ московскаго пирожника заключили противъ Петра оппозиціонный кружокъ, и державный царь въ послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни вполнѣ плясалъ подъ дудочку этихъ „сановныхъ особъ“.

Слѣдуя наставленіемъ своего учителя, Марта вскорѣ сужѣла стать для Петра необходимой. О любви или ей подобныхъ чувствахъ тутъ и рѣчи не было: откуда было братья этому свѣтучу въ такой гадинѣ, какъ Екатерина, или въ такомъ развратномъ и распущенномъ человѣкѣ, какимъ былъ первый русскій императоръ! Будь даже Екатерина съ самого начала агнецомъ

чистоты и непорочности, она, войдя въ распутный кругъ Петра, волей-неволей, стала бы тѣмъ, чѣмъ она и въ дѣйствительности была. Тутъ нужно было съ волками по волчьей выть, и кого это коробило или въ комъ эта атмосфера вызывала отвращеніе, тому нужно было бѣжать, бѣжать какъ можно дальше

Но наша Марта чувствовала себя въ этой „компаніи“ какъ нельзя лучше, и не много времени потребовалось для нея на то, чтобы свыкнуться съ этой новой обстановкой. Кромѣ Петра была она крайне интимна и со своимъ благодѣтелемъ Меньшиковымъ, но и законный ея супругъ, храбрый унтеръ Іоганъ, тоже кое-когда отворялъ двери ея спальни, но несчастный въ одинъ прекрасный день попался и, Боже мой! какъ дорого обошлись ему эти визиты. Его отправили по высочайшему повелѣнію въ Сибирь, гдѣ онъ въ скоромъ времени и пропалъ безъ вѣсти.

Сердце Марты было крайне любвеобильно, и она рассыпала дары этого сокровища на всѣ стороны, не обращая вниманія ни на званіе, ни на чины, ни на лѣта ея избранника. Ревности она не знала и, не сохраняя вѣрности Петру, она сквозь пальцы глядѣла на его распутства, и вотъ это-то отсутствіе чувства ревности и нравилось Петру въ его любовницѣ. Зугенгеймъ увѣряетъ, что послѣднее было даже главной причиной, связавшей Петра съ Мартой. „Она была не менѣе Петра распутна и это избавляло его отъ необходимости сдерживаться, давало ему волю въ разнузданности и не требовало отъ него того, чтобы Петръ уважалъ свою содержанку.“

Въ первопрестольной Москвѣ Марта въ третій разъ измѣнила свое изповѣданіе, присоединясь къ православной церкви. Петръ, незадолго до этого акта, при которомъ между прочимъ сынъ его Алексѣй игралъ роль крестнаго отца, въ честь котораго новообращенную и нарекли Екатериной Алексѣевной, объявилъ себя главой